

Максим Горький

Миша

Максим Алексеевич Горький

Миша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=640165

Аннотация

«Миша был мальчик-непоседа, ему всегда хотелось что-нибудь делать, и, если его не отпускали гулять, он целый день вертелся, как волчок, под ногами взрослых...»

Максим Горький

Миша

Миша был мальчик-непоседа, ему всегда хотелось что-нибудь делать, и, если его не отпускали гулять, он целый день вертелся, как волчок, под ногами взрослых.

Каждому мальчику и девочке хорошо известно, что взрослые – народ, всегда занятый какими-то скучными делами, поэтому они ужасно часто говорят маленьким:

«Не мешайте!»

Мише особенно часто приходилось слышать это слово и от мамы, которая вечно была занята делами, и от папы, который целые дни сидел у себя в кабинете, сочиняя разные книжки, очень большие и, должно быть, скучные, – Мише не давали читать эти книжки.

Мама была очень хорошая, точно куколка, и папа тоже, но он был похож не на куклу, а на индейца.

Вот однажды перед весной, когда погода испортилась, каждый день шёл дождь и снег, гулять было нельзя и Миша особенно усердно мешал папе с мамой заниматься делами, папа спросил его:

– Слушай, Миша, тебе очень скучно?

– Как арифметика! – сказал Миша.

– Ну, возьми вот эту тетрадку и записывай в неё всё интересное, что с тобой случится, понимаешь? Это называется:

«дневник». Ты будешь вести дневник!

Миша взял тетрадку и спросил:

– А что случится интересное?

– Я же не знаю! – сказал папа, закуривая папироску.

– А почему не знаешь?

– Потому что когда я был маленький, то плохо учился и ко всем приставал с глупыми вопросами, а сам ни о чём не думал, – понял? Ну, иди!

Миша понял, что папа намекает на него и не желает говорить с ним; он хотел обидеться, Миша, да уж очень хорошие глаза были у папы. Он только спросил:

– А кто будет делать интересное?

– Ты сам, – ответил папа. – Уходи, пожалуйста, не мешай!

Миша ушёл в свою комнату, разложил тетрадку на столе и, подумав, написал на первой странице:

«Это дневник.

Папа дал мне хориую тетрадку. Если я буду писать в нее что хочу, так будет интересное».

Написал, посидел немножко, осмотрел комнату, – всё в ней такое знакомое.

Он встал и отправился к папе. Папа встретил его нелюбезно.

– Ты, брат, опять явился?

– Смотри, – сказал Миша, подавая тетрадку, – вот я уж написал. Так надо?

– Так, так, – торопливо сказал папа. – Только «это» пи-

шется через «э», и не «хоршую», а «хорошую», – иди!

– А что надо ещё писать? – спросил Миша, подумав.

– Всё, что хочешь! Выдумай что-нибудь и пиши... стихи пиши!

– Которые стихи?

– Не которые, а сам сочини! Отстань, приставала!

Папа взял его за руку, вывел за дверь и плотно закрыл её. Это уж было невежливо, и теперь Миша обиделся. Придя к себе, он снова сел за стол, развернул тетрадь и стал думать: «И чего бы ещё написать?» Было скучно. Мама считает бельё в столовой; в кухню, где всегда интересно, не велят ходить, а на улице – дождь и туман.

Было утро, четверть десятого, Миша посмотрел на часы и вдруг тихонько усмехнулся, а потом написал:

На стене висят часы,
У них стрелки, как усы.

Он очень обрадовался, что у него вышли стихи; вскочил и побежал в столовую, крича:

– Мам, мам, я стихи сочинил, смотри-ка!

– Девять, – сказала мама, перекладывая салфетки. – Не мешай. Десять, одиннадцать...

Миша обнял её одной рукой за шею, а другой поднёс тетрадку прямо к носу ей.

– Да мама же! Ты посмотри...

– Двенадцать, – о, господи! Ты меня свалишь на пол...

Она всё-таки взяла тетрадку, прочитала стихи и огорчила

Мишу, сказав:

– Ну, это, наверное, папа тебе подсказал, а во-вторых, «на стене» пишется через «ять» в обоих случаях.

– И в стихах через «ять»? – печально спросил Миша.

– Да, да, в стихах, – не мешай мне, пожалуйста; иди, занимайся!

– Чем?

– Ах! Ну, пиши стихи дальше...

– А как надобно дальше?

– Придумай сам. Ну, висят часы, они тикают звучно... и ещё что-нибудь, вот и будут стихи.

– Хорошо, – сказал Миша и покорно ушёл к себе. Там он написал о часах мамины слова:

Часы тикают звучно,

но дальше ничего не мог придумать, а уж как старался, даже подбородок себе выпачкал чернилами, не только пальцы.

И вдруг, – как будто кто-то подсказал ему, – он придумал четвёртую строку:

А мне всё-таки скучно!

Это правда: Мише было очень скучно, но когда он написал четвёртую строку, то ему от радости даже жарко стало.

Он вскочил и стремглав помчался к папе, но папа – хитрый человек! – запер дверь кабинета. Миша постучал.

– Кто там? – спросил папа из-за двери.

– Открой скорее, – горячо сказал Миша, – это я. Я стихи написал, очень ловко.

– Поздравляю, продолжай, – пробормотал папа.

– Так я хочу прочитать тебе!

– После прочитаешь...

– Я сейчас хочу!

– Мишка, отстань!

Миша наклонился к скважине дверного замка и прочитал стихи, но вышло так, как будто он в колодезь кричал, – папа не ответил ему.

Это окончательно обидело Мишу, он снова тихонько ушёл в свою комнату, минуту постоял у окна, прижав лоб к холодному стеклу, а потом сел за стол и начал писать то, что думал.

«Папа обманул меня, что если писать дневник, так будет интересно, – ничего не будет. Это он, чтобы я ему не мешал. Уж я знаю. Когда мама сердится, он называет маму злая курица, а сам тоже. Вчера я играл в кегли его серебряным портсигаром, так он рассердился получше мамы. А сам говорит. Они оба такие. Когда Нина Петровна, которая поёт, разбила чашку, так они сказали: это ничего и пустяки, а когда я чего-нибудь разбиваю, так они говорят сто слов».

Вспомнив, как несправедливо обращаются с ним папа и

мама, Миша едва не заплакал, так жалко ему стало и себя и папу с мамой; оба они такие хорошие, а с ним не умеют хорошо вести себя.

Он встал и снова подошёл к окну: на карнизе сидел, оципываясь, мокрый воробей. Миша долго смотрел, как он прихорашивается, разглаживая жёлтым носом русые свои перья, около носа они заершились у него, точно усы у папы.

Потом Миша подумал стихами:

Ножки у птички
Тонкие, как спички.
Глазки – точно бусинки,
Русенькие усики.

Дальше стихами не думалось, но и этого было достаточно. Миша почувствовал гордость собою, подбежал к столу, записал стихи и приписал ещё:

«Стихи писать очень просто, нужно только посмотреть на что-нибудь, вот и всё, а они уж сами сложатся. Пускай папа не форсит, я тоже захочу, так буду писать книжки, да ещё стихами. Научусь ставить знаки препинания и «ять» где надо, вот и буду. Рама, мама, упряма, дама. Из этого тоже можно сделать стихи, а я не хочу. Я не буду писать стихи и дневник тоже. Если вам не интересно, так и мне тоже, и не надо заставлять меня писать. И, пожалуйста, не приставайте ко мне».

Мише стало так грустно, что он чуть-чуть не заплакал, но в это время пришла учительница Ксения Ивановна, маленькая, румяная, с жемчужными капельками тумана на бровях.

– Здравствуй, – сказала она. – Отчего ты такой надутый?

Миша важно нахмурил брови:

– Не мешайте мне! – проговорил он папиным голосом и написал в тетрадке:

«Папа называет учительницу курносенькой девчужкой и что ей ещё надо в куклы играть».

– Что с тобой? – удивилась учительница, растирая кукольными лапками свои розовые щёки. – Что ты пишешь?

– Нельзя сказать, – ответил Миша. – Это папа велел написать дневник и всё интересное, о чём я думаю. Обо всём.

– Что же ты придумал интересного? – спросила учительница, заглянув в тетрадку.

– Ещё ничего нет, только стихи, – сказал Миша.

– Ошибок-то, ошибок! – воскликнула учительница. – Стихи, да. Ну, это, конечно, папа сочинил, а не ты...

Миша снова обиделся: что такое? Никто не верит ему! И сказал учительнице:

– Если так, тогда я не буду заниматься!

– Это почему?

– Потому, что не буду!

Тут учительница прочитала то, что Миша написал о ней, покраснела, взглянула в зеркало и тоже обиделась:

– Ах ты, и про меня написал, вот как! Это правда, что

папа говорит?

– Вы думаете, он вас боится? – спросил Миша.

Учительница подумала, ещё раз взглянула в зеркало и сказала:

– Так не хочешь заниматься?

– Нет.

– Хорошо. Пойду спрошу, как посмотрит на это мама.

Она ушла.

Миша посмотрел вслед ей и стал писать: «Я накапризничал Ксении Ивановне, как мама папе, пусть она не пристаёт и не мешает. Если меня никто не любит, то всё равно. Потом я извинюсь перед учительницей и тоже запишу в тетрадку. И буду писать целый день, как папа, и никто меня не увидит. И обедать не буду никогда, даже когда на сладкое печёные яблоки. Не буду ночью спать, всё пишу-пишу, и пусть мама утром говорит мне, как папе, что я изведусь и у меня будут нервы. И плачет. А мне всё равно. Если меня никто не любит, так уж всё равно».

Он едва успел дописать, как в комнату вошла мама с Ксенией Ивановной; мама молча взяла у него тетрадку, и её милые глаза, улыбаясь, стали читать Мишины мысли.

– Господи, – тихонько воскликнула она. – Ах, какой... Нет, это нужно показать отцу!

Она ушла с тетрадкой в руках.

«Накажут!» – подумал Миша и спросил учительницу:

– Наябедничали?

– Но если ты не слушаешься...

– Я не лошадь, чтобы слушаться...

– Миша! – вскричала учительница, но Миша сердито продолжал:

– Я не могу учиться и думать обо всём и всё записывать...

Он мог бы сказать ещё многое, но вошла горничная и сказала, что его зовёт папа.

– Слушай-ка, брат! – заговорил папа, придерживая ладонью усы, чтобы они не шевелились, а в другой руке зажав Мишину тетрадку, – поди-ка сюда!

Папины серые глаза светились весело, а мама лежала на диване, уткнув голову в кучу маленьких подушек, и плечи её дрожали, как будто она смеялась.

«Не накажут», – догадался Миша.

Папа поставил его перед собой, сжал коленями и, приподняв пальцем Мишин подбородок, спросил:

– Ты капризничаешь, да?

– Да, капризничаю, – сознался Миша.

– А зачем это?

– Так.

– Ну, всё-таки зачем?

– Да я не знаю, – сказал Миша, подумав. – Ты не обращаешь на меня внимания, мама тоже не обращает, и учительница тоже... нет, она не тоже, – она пристаёт!

– Ты обиделся? – тихонько спросил папа.

– Ну да, обиделся, конечно...

– А ты не обижайся! – дружески посоветовал папа. – Это не я тебя обижаю и не мама, – видишь, она хохочет тихонько, валяясь на диване? И мне тоже смешно, да я уж потом похохочу...

– А почему смешно? – спросил Миша.

– Я тебе скажу почему, только после.

– Нет, почему? – настаивал Миша.

– Да, видишь ли, ты у нас очень смешной!

– Ну-у, – недоверчиво сказал Миша.

Папа посадил его на колени себе и сказал, пощекотав за ухом:

– Давай говорить серьёзно, ладно?

– Ладно, – согласился Миша и нахмурил брови.

– Никто тебя не обижал, это плохая погода обижает тебя, понял? Была бы хорошая погода, солнце, весна, ты бы гулял, и всё было бы хорошо! А в дневнике ты чепуху написал...

– Сам велел, – сказал Миша, пожимая плечами.

– Ну, брат, чепуху писать я тебя не просил!

– Может, не просил, – согласился Миша. – Я уж не помню.

А у меня чепуха вышла?

– Вышла, брат! – сказал папа, качая головой.

– А у тебя, когда ты пишешь, тоже чепуха выходит? – спросил Миша.

Мама вскочила с дивана и убежала, точно у неё кофе перекипел, она даже зафыркала, как фыркает кипящий кофейник. Миша понял, что это она смеётся, но только не хочет

показать, что ей смешно.

Эти взрослые – тоже порядочные притворяшки. Папе тоже хотелось смеяться, он надул щёки докрасна, ощетинил усы и фыркал носом.

– У меня, – сказал он, – тоже иногда чепуха выходит. Это очень трудно – писать, чтобы всё было хорошо и правдиво. Стишки ты придумал неплохо, а всё остальное не годится.

– Почему? – спросил Миша.

– Серdito очень. Ты у меня – критик, а я не знал этого, – ты всех критикуешь. Это нужно начинать с себя самого, ты сначала себя хорошенько раскритикуй. А то и этого не надо, давай лучше бросим писать дневник.

Раскрашивая красным и синим карандашом папину бумагу, Миша сказал:

– Давай бросим, а то это тоже скучно, как учиться. Только ты сам ведь выдумал это, – ты сказал: «Пиши, будет интересно». Я и стал писать, а ничего не случилось. Слушай-ка, можно сегодня не учиться?

– Почему? – спросил папа.

– Я лучше почитаю с Ксенией Ивановной.

– Можно не учиться, – весело согласился папа. – Только нам с тобой надобно извиниться перед учительницей, а то мы наговорили и написали про неё не... ладно!

Папа встал и, ведя Мишу за руку в его комнату, тихонько сказал:

– Конечно, это правда, что она немножко курносенькая,

но лучше не напоминать ей об этом. Этого, брат, не исправишь словами, и нос на всю жизнь даётся тот или иной. Вот у тебя веснушки на носу и по всей рожице, – ладно ли будет, если я тебя стану звать пёстреньким?

– Неладно, – согласился Миша.

На этом и кончается благополучная история о том, как Миша писал дневник.